

05.91.

Мансурян Т.

Сотоя - 1991 - май. (N 19) - с. 16

НЕ ТАК ДАВНО программа «Время» показала коротенький видеосюжет. В Канберре состоялось экуменическое собрание — традиционный съезд всех христианских церквей, собираемый раз в семь лет. Священники со всех концов света исполняли гимн христиан. Произведение, специально заказанное и написанное к этому событию:

Приди, Святой Дух,
Дай новое миру дыханье...
Приди, Святой Дух,
Дух Единения.
Преобрази нас и освети...

Совершенно случайно я узнал, что в свете «нового дыханья» написать музыку гимна было доверено ереванскому композитору Тиграну Мансуряну. Для тех, кому фамилия Мансуряна ничего не говорит, скажу лишь, что имя очень популярного армянского композитора, к сожалению, гораздо больше известно на Западе, чем у нас в стране.

— Тигран Ильич, как получилось, что выбор пал именно на вас?

— Наверное, правильнее будет спросить это у ЦК.

— !!!
— У Центрального Комитета или по-другому Всемирного Совета христианских церквей в Женеве. А вы что подумали? Мне передал их просьбу достопочтенный архиепископ Нерсес Позапалян, представляющий там армянскую апостольскую церковь.

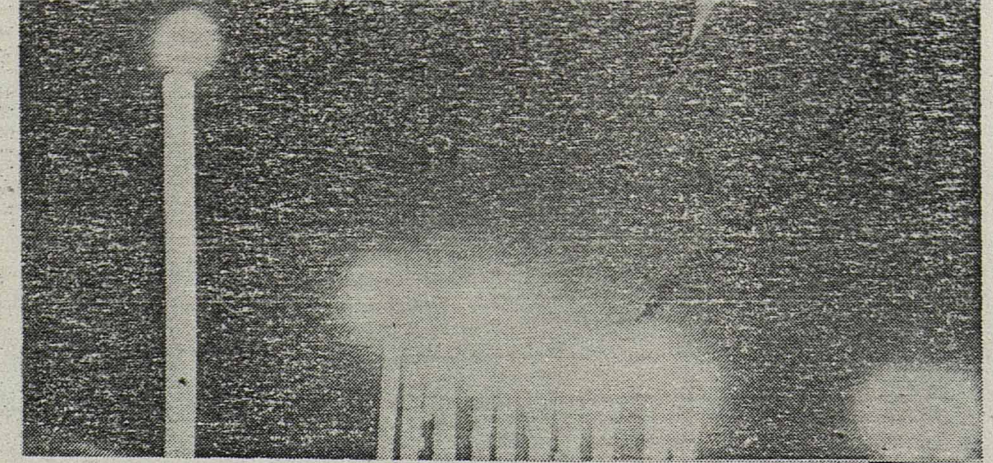
— Поскольку это гимн всех христиан, то по духу он должен объединять музыкальные традиции не только православной церкви, но и католической, протестантской!

— Конечно, я это и постарался сделать. Родился я в Бейруте. Учился там во французской католической школе, где по утрам было принято петь молитвы. Так что многое мне знакомо с детства. Хотя базовой основой, конечно, была армянская духовная музыка.

Должен сказать, писать духовную музыку огромная творческая радость, словно внутри тебя открывается новый мир. После гимна я написал еще одно произведение — «Мизерере», в переводе с латинского «Господи, помилуй». Премьера состоялась в Лионской католической церкви 7 декабря, в годовщину землетрясения в Армении.

В старом китайском трактате сказано: музыка — это узелки времени. Как мозг характеризу-

НЕЛЬЗЯ ПРИВЫКНУТЬ КО ЗЛУ

ется богатством извилин, так и в мелодии ценится качество и количество этих узелков. Армянская духовная музыка очень богата ими.

— Не ставилось ли условие, чтобы автор обязательно был верующим?

— Разговор об этом и не заходил. Вообще, я полагаю, что неверующий человек вряд ли сможет написать музыку. Ведь в самой ее сути изначально присутствует религиозное начало. Более того, мне кажется, что любой творческий человек, независимо от того, член он партии или нет, — в глубине души верующий.

Например, я знаю, что Арам Хачатурян был именно таким. Хотя тщательно это скрывал — время тогда было такое. Мне рассказывал очевидец, что, когда Арама Ильича спросили, верит

ли он в Бога, маэстро отмолчался, потом отошел к окну и, отвернувшись, решив, что этого никто не заметит, перекрестился.

— Тигран Ильич, на столе попеременно с нотами я вижу Мальро, Гессе, Фолкнера и сказки Андерсена, очень уж широкий круг интересов...

— Наоборот, очень узкий. Если увлекаюсь каким-то писателем, то могу годами читать только его. Четыре года я читал только Кавабату, десять лет только Фолкнера и все, что написано о нем. Если сейчас найдется театр, который подпишет со мной договор на балет «Шум ярости», немедленно приступлю к работе. Уверен, получится интересная вещь. Что касается Андерсена... В прошлом году в Ереване состоялась пре-

мьера моего балета «Снежная королева», посвященного памяти детей, погибших во время землетрясения. Андерсен — это неиссякаемый кладезь доброты.

— То, в чем сегодняшнее общество особенно нуждается.

— Меня очень тревожит та огромная негативная энергия, которая бушует по всей стране. Люди, работающие на вредных производствах, как известно, привыкают к ядовитым испарениям. Я боюсь, как бы мы тоже не привыкли к этому негативному заряду, и, как наркоманы, не стали бы в нем постоянно нуждаться. Необходимо поставить заслон этому разгулу, не терять критериев положительных эмоций, естественной тяги к доброте, человечности.

— В ваших словах неподдельная тревога. И вместе

с тем в общественной жизни вы не участвуете. Сейчас в Армении многие с тревогой отмечают, что большинство интеллигенции самоустранилось от политики.

— Перефразируя слова великого писателя, скажу так — я слишком люблю Армению, чтобы жить моралью патриота. Гессе говорил: «Я настолько люблю Германию, что не смог присвоить мораль патриота, потому что в духе я не видел только лишь средство борьбы или какое-то орудие. Я не был генералом или главой правительства, а только служил духу».

Любое правительство при любом строе, особенно в сложное смутное время, нуждается в интеллигенции, в ее энергии. Ведь это высшая энергия, которая используется во имя чего-то, заставляет крутиться колеса государственной машины. Иначе зачем правительству искусство?

Впрочем, я говорю только за себя. Кое-кому удастся служить одновременно и духу, и государству. Тот же Мальро был министром культуры при Де Голле, Чичерин — автор великопленной книги о Моцарте. Но это редкие исключения.

— Тигран Ильич! Хотя бы в глубине души вам не обидно, что ваше творчество в Советском Союзе известно гораздо хуже, чем, скажем, во Франции!

— Надо на вещи смотреть реально. Я живу в провинции. Для кого-то эти слова покажутся обидными, но это так. За десятилетия Армения превратилась в провинцию, пускай культурную. На Западе организаторы музыкальной жизни — деловые люди. У нас, впрочем, тоже, но заняты они в основном своим делом и особого интереса к моей музыке у них нет. Как и нет у меня обиды. Это жизнь, и надо принимать ее такой, как она есть.

Во все время беседы с Тиграном Мансуряном я сидел, словно на иголках. Договариваясь о встрече, я и не знал, что композитор приболел. Он же в силу своей интеллигентной деликатности даже не подумал отказаться. И, уходя от него, я, крещеный материалист, повторял на свой лад запомнившиеся строки из гимна:

«Приди, Святой Дух,
Дай новое миру дыханье».
И как можно больше таких «привыкнов».

Варган АЛОЯН.
ЕРЕВАН.

25